

Предисловие

«Прошлое России было удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается её будущего, то оно выше всего, что только может себе представить самое пылкое воображение; вот точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана».

А. Х. Бенкендорф

«...Появился новый тип русского человека — инициативного, подвижного, энергичного, быстро выходящего из любого затруднения, появился новый пламенный человек. Чекист — наиболее законченный тип такого человека!»

Н. И. Бухарин (из выступления в Моссовете в честь 10-й годовщины ВЧК-ОГПУ).

«...Я думаю, что главный герой XX века — палач, а не жертва. Но мы больше знаем, слушали жертв, и почти ничего нам не осталось от палачей. Они утаили, спрятали главный опыт века».

Светлана Алексиевич (Вопросы литературы. 2000, № 1)

Советские чекисты — передовой вооружённый отряд коммунистической партии, щит и меч революционных завоеваний... Есть распространённое мнение, что чем меньше об этой оригинальной человеческой прослойке будет сказано, тем лучше. Казнь забвением выглядит достойным наказанием для тех, чьей основной специальностью было выслеживание, подавление и истребление инакомыслящих. Есть и прямо противоположное мнение. В России живёт множество людей, так или иначе связанных с советской системой госбезопасности — от бесчисленных сотрудников КГБ и членов их семей до убеждённых сексотов, уверенных в нужности своей бывшей работы.

Да и современная ФСБ — весьма многочисленная и постоянно пополняемая силовая структура, имеющая немалое влияние на общественное мнение. С точки зрения этой прослойки российского общества, чекисты по-прежнему остаются образцовыми (бескорыстными, преданными, отважными) государственниками, которые в тридцатые годы стали первой жертвой репрессий, потеряли более 20 тысяч лучших работников, яростно боролись с негодьями-карьеристами в своих рядах, но были временно ими побеждены.

В результате усилий сочинителей от ФСБ тридцатые годы выглядят изолированным эпизодом посреди славной истории «органов», полной разоблачением настоящих врагов государства. Тот факт, что в последние годы миф о многотысячных жертвах в самом НКВД убедительно разоблачён исследователями Н. В. Петровым и К. В. Скоркиным, не оказывает на ведомственных историков никакого влияния.

Для честных историков неприемлемы как апологетика, так и игнорирование отечественных спецслужб. Чекисты достойны особого исследовательского внимания хотя бы потому, что это самый закрытый отряд советских чиновников, много лет не без успеха предлагающий общественности собственный и крайне тенденциозный взгляд на свои кадры. Соединение во многих чекистах черт палача и жертвы дополнительно стимулирует новые вопросы и попытки ответа на них. Только сегодня документальная база расширилась настолько, что стало возможным изучать внутреннюю жизнь ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ, в том числе и особенности кадрового состава органов государственной безопасности.

«Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи». Эти слова хорошо подходят для объяснения сути того, что написано в предлагаемой книжке. История России — это в огромной степени история её тайной полиции. О её деятелях советского периода в последние годы сочиняют много. Эта тема продолжает оставаться «горячей» и волнует общественность, что стимулирует изучение секретов ВЧК-КГБ. Беспокоит то, что написанное до сих пор далеко не всегда базируется на архивных документах, объективных воспоминаниях и компетентных публикациях.

Это и понятно. Ведомственным историкам надо реабилитировать свою контору. Бывшим чекистам — и себя, и контору. Ностальгирующим по временам советской империи органы госбезопасности представляются такими же привлекательными, как и породившая их система. Тем, кто во всех наших проблемах винит ЦРУ, Интеллидженс Сервис и Моссад, хотелось бы верить, что отечественная разведка и контрразведка круче соперников, а теневые стороны их деятельности полагать сугубо второстепенными.

Очень значительная часть населения, недовольная сменой строя, выражает свою оппозиционность демонстративной симпатией к сталинско-брежневской эпохе. Современный политический режим даёт ясную установку рассматривать историю как царской, так и советской России прежде всего с героической стороны. Соответственно, среди так называемых «государственников» характерно «объективности ради» видеть в прошлой деятельности чекистов массу хорошего. И даже среди вполне вменяемых интеллектуалов модно эстетизировать сталинизм, восхищаясь «большим стилем» канувшей империи и выводя некрасивую тему репрессий куда-нибудь за скобки.

Между тем очевидно, что многие болезни современной политической и правоохранительной системы России прямо связаны с наследием сталинского времени. Милицейское ведомство стабильно воспроизводит традиции коррупции и пыточного следствия, мало отличаясь от той милиции, которая была сформирована после Октября. Органы госбезопасности, как и при Сталине, подчинены одному человеку и практически не контролируются обществом. Высшие чины ФСБ-МВД самым активным образом участвуют в государственном рэжете и разделе собственности крупных бизнесменов — в

масштабах, не снисшихся работникам ОГПУ-НКВД, которые тоже усердно занимались перераспределением ценностей.

На формирование сугубо положительной истории советской тайной полиции существует внушительный социальный заказ, который соблазняет множество сочинителей-мифотворцев. Наша история густо засижена дилетантами. Бульварные книжки апологетов сталинщины приносят хороший доход недобросовестным авторам и заслоняют настоящую историю. Поток такого рода литературы в последнее десятилетие стремительно усиливается, в основном определяя вектор исторической публицистики.

Такое положение представляется совершенно нетерпимым. Архивные разыскания в сочетании с опорой на солидные исследования позволяют предложить автору предлагаемой книги своё видение ряда эпизодов истории ВЧК-КГБ.

Кто-то может обвинить автора в предвзятости: дескать, основные герои обрисованы с весьма мрачной стороны. Но советская контрразведка изначально базировалась на терроре и провокации, что предопределило откровенно криминальный характер очень многих страниц её истории. Исследователей гестапо, насколько известно, не обвиняют в излишне суровом подходе к функционерам нацистской охраны. А разница между ней и «органами» только в том, что фашистская партия и тайная полиция были по суду официально признаны преступными организациями, а компартия СССР и её тайная спецслужба — нет.

Конечно, можно много говорить и о том, как чекисты ловили настоящих шпионов, боролись с уголовным бандитизмом, помогали беспризорникам (предварительно их осиротив) и пресекали контрабанду. Но, как представляется, гораздо больший интерес должна вызывать террористическая работа ВЧК-МГБ в ленинско-сталинский период, составлявшая основное содержание деятельности карательных органов. А отыскать положительные стороны (или хотя бы свидетельства о таковых) жизни и работы функционеров тайной полиции просто интересно, поскольку это только добавит красок к их портретам.

Мы согласны с тем, что нельзя всю вину за пролитую невинную кровь валить на чекистов: карательные органы строились и функционировали по приказу правящей партии и именно партийно-государственная верхушка несёт основную ответственность за многолетние репрессии. Но очевидно: когда государство даёт многолетний заказ на террор и торжествует принцип «цель оправдывает средства», исполнители преступных поручений не могут оставаться нормальными людьми.

Исследователи из ФСБ любят подчёркивать факт повседневного направления деятельности органов безопасности со стороны партийной власти, целиком возлагая тем самым ответственность за репрессивные кампании на высшее

политическое руководство. Остановливаясь на полпути, ведомственные историки игнорируют обратную связь, которая, как нам представляется, очевидна. Именно органы безопасности выступали основными информаторами власти, поставляя политической верхушке своё специфически искажённое видение ситуации в стране и мире.

При этом большевистское руководство, генетически близкое своей тайной полиции, было в основном согласно с точкой зрения «органов», постоянно подзадоривая их, заставляя повышать бдительность и отчитываться об успехах в борьбе с врагами. Фактически шла многолетняя политическая игра, в которой и руководство страны, и чекисты перебрасывали друг другу мяч репрессий. Одна сторона получала доказательства обилия «заговоров», другая — повышала за счёт их «раскрытия» своё влияние.

В ленинско-сталинский период подход к оценке работы чекиста был один — количество разоблачённых противников режима. И чем выше была должность, тем больше трупов громоздилось за спиной такого офицера госбезопасности. Автора в первую очередь интересовали именно эти видные функционеры НКВД — организаторы массового уничтожения россиян, превратившие в лагерную пыль целые социальные слои. Через биографии видных чекистов сделана попытка представить деятельность карательной системы изнутри, показать неумолимое превращение лихих партизан и боевых разведчиков в беспощадных адептов политического сыска.

Информация о работниках невидимого фронта, действовавших за кордоном, в основном посвящена малоизвестным и вовсе неизвестным фигурам. Не обо всех из них удалось добыть подробные сведения, информацию о разведчиках приходится собирать по крупицам. Часть «нарытого» в архивах поможет увидеть наших рыцарей плаща и кинжала с неожиданной стороны.

Чекисты были очень своеобразным народцем (и во многом таким и остаются). Представьте себе внутренний мир человека, основной служебной обязанностью которого является изучение людей с целью их последующей вербовки в агентурную сеть... Чекист — высшая и последняя стадия гомо советикуса, существо, в наибольшей степени «автоматизированное» и освобождённое от основополагающих признаков человечности. Психология чекистов во многом соответствовала психологии советского чиновничества. Но они чувствовали себя всё же особенными чиновниками, кастой, наделённой большими тайными правами. С самого начала в их среде культивировалось ощущение себя передовым вооружённым отрядом партии, ведущим конспиративную работу во враждебном окружении.

В 1937–1939 гг. прошла небывалая по жестокости чистка всего чекистского аппарата. Вождь народов продвигал и расстреливал видных функционеров секретной службы в зависимости от своих представлений об их нужности и потенциальной опасности. Среди героев предлагаемых очерков преобладают

чекисты, взлетавшие к высотам административной карьеры и столь же стремительно низвергнутые в пропасть.

Основными источниками при написании книги, помимо опубликованных в последние годы сборников документов и ряда новейших исследований, явились архивные материалы некоторых центральных архивов — РГАНИ (фонд Комитета партийного контроля при ЦК КПСС), РГАСПИ (фонд Центрального Комитета КПСС), ГА РФ (фонды НКВД СССР, ГУЛАГа и наркомата РКИ), ЦА ФСБ, а также материалы разнообразных партийных организаций (от фондов обкомов до партячеек районных органов госбезопасности), советских и судебно-следственных органов, хранящиеся в ГАНО (Новосибирск), ЦДНННО и ГАОО (Омск), ГАКО (Кемерово), ЦХАФАК (Барнаул), ЦДНИТО (Томск), ЦХИДНИКК (Красноярск) и других региональных архивах. Исключительную ценность имело изучение более трёхсот прекращённых следственных дел, хранящихся в Отделе спецдокументации управления архивными делами администрации Алтайского края (ОСД УАДАК), управлениях ФСБ РФ по Новосибирской и Томской областях, а также в ряде фондов ГАНО.

Особенно важную помощь в работе своими предложениями и архивными находками оказали А. И. Савин и К. В. Скоркин. Очень ценны оказались советы и материалы исследователей В. А. Золотарёва, О. И. Капчинского, С. А. Красильникова, Я. В. Леонтьева, С. А. Папкова, а также краеведа В. П. Ермоловича. Хочется благодарно отметить заинтересованную помощь ряда сотрудников архивов, особенно ГАНО и ОСД УАДАК.